

Валентина
Вылегжанина

Я С О Н ,
у меня есть имя

Валентина Вылегжанина

Я сон, у меня есть имя

«Издательские решения»

Вылегжанина В.

Я сон, у меня есть имя / В. Вылегжанина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931137-5

А вы когда-нибудь любили? Испытывали ли страсть, которая завладевала разумом, отдавая взамен что-то невообразимое? Смогли бы вы победить смерть ради неё? А если вы мертвы? Будучи сновидцем, существом, которое дарит детям приятные добрые сны, он вспоминает о своей прошлой жизни. Один только образ мелькает в его голове. Эта женщина никуда не исчезла, она осталась жить. Жить в его несуществующем сердце. Сможет ли он пересечь границы дозволенного, оставив в памяти любимый образ?

ISBN 978-5-44-931137-5

© Вылегжанина В.
© Издательские решения

Содержание

Предыстория	6
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвёртая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Я сон, у меня есть имя

Валентина Вылегжанина

*Ты понимаешь, что влюбился, когда не можешь уснуть, потому
что реальность наконец-то оказывается лучше любых снов.*

Теодор Зойс Гейзель

© Валентина Вылегжанина, 2018

ISBN 978-5-4493-1137-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предыстория

«Ты имеешь право на всё, кроме любви», – стучало в голове, отскакивая эхом от брусчатки Чешского Крумлова.

Как только наступает ночь, он появляется в тёмных переулках города. Это его любимое время суток. Именно тогда его никто не может увидеть, и тайные мысли принимают очертания сна. В воздухе повисает приятный запах прохлады и плотного тумана. На землю медленно опускается пелена затмения. Он примеряет образ строгого мужчины в сером пальто, надевает воображаемую фетровую шляпу в тон и расхаживает по каменистой брусчатке старинного города, монотонно постукивая тяжёлыми чёрными ботинками об её ухабы. Его руки всегда в карманах. Ночные улицы зачастую ошпаривают пронизывающим ледяным ветром шершавые ладони, пальцы холодеют, покрываются лёгкой испариной. Только человек может держать руки в карманах, но он тоже обладает такой способностью, изображая из себя подобие физического тела. Ни у кого из сновидцев карманов нет – у него есть. Но он не задумывается об этом и принимает сей факт как должное. Здесь можно прятать не только холодные обветренные руки, но и воспоминания, кинолентку нескольких жизней, иногда даже двойную судьбу, которая склеивается воедино. Он не помнит, сколько времени пребывает в своём нынешнем теле. И было ли время, когда он был кем-то другим. Как будто его душу очистили от старых воспоминаний, обнулили до точки нового отсчёта. Его сущность является чистой светлой оболочкой, которая несёт в себе только счастливые и добрые сновидения. Но всё же он не похож на остальных сновидцев. В его памяти изредка вспыхивают неизвестные образы, силуэты, запахи, мгновения иного мира. Поэтому он частенько примеряет человеческий образ, представляя себя живым материальным существом.

«Если бы меня вырвали из этой жизни, – размышлял он, бродя по ночному городу, – я бы сделал всё, чтобы снова вернуться обратно».

Он шатался по узким улочкам, заглядывая в окна простым незнакомцам. Именно так он попадал в их сны. Из ладоней появлялся чуть искрящийся свет, который просачивался сквозь рамы, проползал по стенам, распространялся длинными отростками по детской комнате. Расползаясь блестящими частицами, будто крупинками жёлтого песка, он проникал в дом к своему очередному подопечному. Перед тем как ожить во сне, в мире своего маленького героя, он любил рассматривать комнату, изучать привычные повседневные дела своего будущего знакомого, угадывать его будни по книгам, украшающим настенные полки, по игрушкам, расставленным вдоль стола, по картинам, крепко вбитым в серые стены бетонных перегородок. Всё здесь говорило о жизни, которая чужда ему, но которую он хотел заполучить любой ценой.

Бывало, что он покидал сон, не дождавшись утра, чтобы успеть побродить по пустынному городу, прислонившись к человеческим изобретениям, монументальным постройкам, удивительным скульптурам. Он наблюдал, как погруженный во мрак город сливался с темным обликом земли. Лишь силуэт луны, озаряя часть звёздного неба, боролся за право на свет, но всегда проигрывал. Таков закон жизни – ночью побеждала темнота.

Иногда случалось, что обычный мальчишка сознательно выталкивал сновидца из своего сна. Тогда невидимому существу приходилось бесшумно скользить по стенам, опережая пробуждение, и выскакивать сквозь оконные рамы. По сути, беспокойный ребёнок бесцеремонно вышвыривал его, чтобы заполнить свою голову привычными пустыми делами. А сновидец с карманами всё же любил особенные приключения, разгонявшие тоску, страх, уныние. Он творил свою историю, врываясь в привычную жизнь, вскакивал на коня судьбы и мчался галопом по детским вспыхнувшим мечтам.

Так получилось, что, будучи фантазёром, безвестным поэтом, он превращался в тень своих маленьких друзей. Порою, глубоко войдя в жизнь своего нового знакомого, даже как-

то пытаюсь ему помочь, он не замечал, как переставал быть собой. Приходилось отряхиваться, выбивать из себя массу ярких впечатлений, как залежавшийся пыльный ковёр, и двигаться дальше, ведь его ждали остальные мечтатели. За одну ночь ему удавалось обойти около десятка домов со спящими в них ребятами и девочками. И каждый дом для него был привычен, тёпл и знаком. Но только один, тот, что стоит на окраине Чешского Крумлова, навсегда оставил отпечаток в его душе, светлой, доброй и, вероятнее всего, печальной. Дом, где он нашёл приют своим мечтам, воспоминаниям, новым открытиям и преобразованиям. И конечно же, он убедился в том, что эта находка не была случайной, ведь именно в этом завораживающем месте он заполнил себя до краёв новыми знаниями, образами и явлениями. Мрачное серое здание не вписывалось в архитектурный образ краснокирпичного городка. Этот район пережил довольно много исторических событий, но всё же существует поверье, что когда-то в далёком прошлом, ещё до того, как Чехословакия стала Чехией, именно с мрачного серого здания начинался некий волшебный город. Здесь присутствовали огромные пещеры великанов, лабиринты времени, старинные замки с привидениями и густые леса, заполонённые бесмертными душами. Со временем старый городишко распался, хотя, вероятнее всего, человеческая нога ступила на эту землю и стёрла аномальную зону с лица земли. Всё, что осталось от него, это серый каменный дом, в котором жил бесстрашный рыцарь в доспехах, отвоевавший свою законную территорию и защитивший огромным рвом фамильное поместье, где под его умелыми руками зацвели прекрасные зелёные плодородные сады. Через столетия, когда эпоха рыцарства канула в Лету, началась эпоха вероисповедания и замок перестроили в католический храм, где над главным входом возвышалась небольшая колокольня с одним-единственным колоколом. Каждое воскресное утро здесь проходило богослужение и замаливание грехов по исчезнувшему городу. В тысяча девятьсот тридцать девятом году, после германско-польско-венгерского вторжения, храм был наполовину разрушен, колокольня опрокинута, а чугунный колокол переплавлен в артиллерийские орудия. И хотя гестапо первое время было умеренным, действуя в основном против интеллигенции и политиков, всё же находились группировки, протестовавшие против оккупации, используя при этом отличный оборонительный пункт. Дом стоял на возвышении, имел прекрасные подкопные пути и открывавшийся отличный ракурс на пулёмётные позиции. После оккупации крепость восстановили, и над разрушенным городом возвысился областной детский приют. После распада Чехословакии на месте развалин возвели новый чудесный городок с красными черепичными крышами. Приют опустел. И лишь совсем недавно дом снова ожил, взбодрился, задышал полной грудью, как только сюда въехала семья Блюменталь. После этого далёкую заброшенную серую каменную постройку отнесли к новому жилкому району. Она стояла на твёрдой холмистой местности и была видна с любой точки города. Угрожающе всматривались вглубь узких кирпичных улочек серые каменные стены, отделенные небольшим ухабистым оврагом, в котором, сгустившись, прорастали колючие старые ветвистые деревья вместо когда-то посаженного одним из владельцев замка красивейшего сада. Здесь сразу же нашли себе приют чернокрылые вороны, наводившие страх на жителей небольшого городка. Старожилы сторонились этого чуждого нежеланного отростка земной плоти и побаивались заговаривать с людьми, купившими старинное поместье с удивительной историей, между прочим, за очень смешные деньги. Каждый день сновидец спешил посетить этот дом, а детишки старались побыстрее лечь спать. Они слегка приоткрывали занавешенное окно, будто пуская в дом неистовую силу.

Он забыл о своих прямых обязанностях, о своих героях, ожидающих иллюзий параллельных миров, мелькавших мгновенными вспышками чужого воображения. К счастью, его помощники и друзья по этой творческой, но нелёгкой работе часто подменяли его, прихватив себе пару-тройку лишних ночных смен, прикрывая его отлынивания ради обретения новых воспоминаний и увлекательных знаний.

В каждом населённом пункте существует, по крайней мере, не меньше десятка таких как он. В Чешском Крумлове же насчитывается больше тридцати сновидцев. Город довольно небольшой. Плотность населения начала снижаться в девяностых годах и в две тысячи третьем году достигла минимальной отметки. Интересна одна деталь – здесь мало детей по сравнению с другими чешскими поселениями. Всё дело в том, что этот городок не так богат учебными заведениями и молодые люди предпочитают получать образование в соседних районах. Но тем не менее всякий ребёнок каждую ночь ждёт здесь чего-то нового, фантастического и особенного. И сновидцы приносят своим подопечным сказочные тёплые сны, истории о великом блестящем будущем.

У сновидцев нет имён, только выжженные иероглифы на невидимых ладонях их рук. Они переливаются золотистым светом, отражаясь в ночном небе ярким лучом, иногда обмениваясь своим сиянием с небольшими, но старыми звёздами. Некоторые поговаривают, что знаки на ладонях – это имена, в точности как у людей. Но многие боятся об этом думать и тем более говорить.

Когда ребёнок вырастает, на смену сновидцам приходит другой отряд, а работникам по детским сновидениям вручают новых неопытных подопечных. Другой отряд называют сознателями, но к ним относятся с недоверием и некоторым скепсисом, потому что взамен добрых, счастливых, привычных снов они приносят кошмары, неприятные воспоминания и давно забытые обиды. Иногда сознатели вторгаются в сны во время несения службы сновидцев и портят все запланированные истории. Но простодушным существам запрещено вмешиваться в этот процесс, поэтому они могут только сожалеть и наблюдать за жестокой несправедливостью со стороны, заглядывая в окна своих полуночных товарищей. Возможно, это похоже на расставание матери со своим единственным ребёнком, которого она отправляет на первый смертельный бой и следит за ним, прижавшись к окну отъезжающего поезда.

Как бы их ни угнетало объективное положение дел, всё же они знают, что такова жизненная необходимость для создания стержня человеческой души. Чей-то разумный замысел – внедрять в мысли детей трагические воспоминания, которые воспитывают определённые качества, такие как совесть, благородство, ответственность за совершённые поступки. Порою сновидцу самому хотелось прикоснуться к материи сознателя, чтобы понять своё существование, разгадать великую тайну бытия, но в их объединении есть запретная черта, которую ни в коем случае не может переступить ни одна живая душа. Ознакомившись с правилами, сновидец с карманами пытался бороться с несправедливостью и, избегая этого двусмысленного понятия, достаточно хорошо изучил личностные качества всех живых существ. Душа человека и тень сновидцев по составу схожа со структурой некоторых веществ. Но у них всё же есть и некоторые различия. Душа сновидца более ранима, эмоциональна, влюбчива. Наполненность их оболочки исключает предательство, нечестность, низость, надменность. А вот оболочка сознателя более весома, тяжела, обременяюще заносчива, поэтому гораздо более схожа с человеческой. Немаловажным для него фактором являлось то, что сознатель имеет память прошлых жизней и знает всё о границе забвения. О, если бы хоть на миг ему позволили прикоснуться к своему прошлому, откуда изредка поступают мимолётные фрагменты вспышек дежавю, пазлом выстраиваясь в его неполноценной памяти!

Раз за разом, поглощая информацию прошлых лет, он примирялся со своей судьбой, пытался относиться к своим обязанностям сухо, системно, обыденно, хотя достаточно тепло и самоотверженно. Но, побывав в доме на окраине города, он осознал всю мощь и силу привязанности настоящего эмоционального чувства. Он обрёл друга, товарища, попутчика на всю свою сновидческую память. Говорят, что память заполняет только половину их сознания, и основные моменты, присутствующие в ней, – это сила духа, доброта и вежливость. Но сновидцу с карманами удалось выйти за грани своей памяти, понимания эмоций, ощущения телесных и душевных ран.

Его зовут Шёпот. У него есть дом, друг, успокоение и счастье, но есть и боль. И всё это частично находится снаружи, частично – у него внутри. Кто сказал, что сновидец не может иметь имя и постоянного товарища? Просто многие его помощники не знают, что за это нужно бороться, удерживать, проходить мучительные испытания. Он из немногих, кто способен добиться цели любой ценой. Кто никогда не бросит начатое, не отвернётся от своих чувств, эмоций, переживаний. Он единственный, кто способен сдерживать в себе неудачи, падения, как бы сильно они ни разъедали его изнутри. Он тот, кто считает, что побег от себя, от объекта счастья и в то же время боли, – это трусость души. Оболочка сновидца, которая создана из волокон радости, улыбок и доброжелательности, просто не осознаёт стремления к победе, желания оказаться впереди, принять борьбу за свои правила. Стать спортсменом своей жизни и быстрее всех оказаться у финиша. Просто-напросто её не наделили качествами стремления, определением правильного выбора, осознанием своего призвания хранить в груди искры любви. И он не осознавал, но два года назад...

Ночь опустилась на город, звёзды зажгли свои огни, здороваясь с ним серебристо-блестящим светом.

«Сегодня смена будет лёгкой!» – подумал он и скользнул в очередную оконную раму. С этого дня началась история Шёпота, который нашёл свой потерянный голос.

Глава первая

Раздался оглушительный звук, будто возле самого уха с жутким треском хлопнула входная дверь. Чернокрылые горластые вороны мгновенно взмыли в небо, без сожаления оставив свои привычные места обитания. Мигом за окном ожила вся природа бытия. Сновидец скользнул по потолку, пытаясь принять тень знакомых предметов комнаты. Но от неожиданного грохочущего звука его оболочка исказилась, вылетев из головы своего маленького героя.

Он замер. Зелёные сонные глаза мальчика блеснули в темноте. Они обежали небольшую уютную комнату, после чего резко устали на чьё-то плотное чёрное отражение. От изумления мальчик слегка приоткрыл рот. Не осознавая своё положение, сновидец огляделся вокруг.

«Что могло создать такой шум? Почему именно сейчас, ведь до утра ещё осталось больше часа?»

За окном мелькнула яркая молния, озарив лицо подопечного, и тут же погасла. В воздухе повис запах прохлады и опавшей листвы, показалось, что осень со всего размаху влетела в комнату и закружилась вихрем. Тут же возникла тишина, будто бы то, что случилось несколько секунд назад, всего лишь приснилось. Но сновидцы не умеют видеть сны, а значит, это была явь.

Глаза напротив наполнились удивлением, неловким смущением и недоверием. Послышался чуть заметный шорох вьющихся шёлковых волос по глади бархатной подушки. Голова мальчика наклонилась влево. Зрачки расплзлись чёрным ярким пятном, медленно заполняя зелёные очертания оболочки глаза. Сновидцам запрещено сталкиваться взглядом со своими подопечными – и, немного помешкав, необычный тёмный образ скользнул в угол комнаты. Мальчик удивлённо привстал с кровати, поджав под собой напряжённые локти. Показалось, что чья-то душа затрепетала в сером пыльном углу, как льющаяся тень от света горящей свечи. Не думая о последствиях, необычное существо попыталось дотянуться до окна. Это была его единственная надежда просочиться сквозь раму и ускользнуть, растворившись в темноте ночи. Кровать мальчика заскрипела, и, поёрзав от ночной прохлады, маленькие босые ноги затопали к ненадёжному убежищу сновидца. В ту же секунду вся его сущность наполнилась тревогой, суетой и в то же время лёгкой невидимой притягательной силой.

Мальчик облокотился спиной о стену и сполз вниз, примостившись рядом со странной тенью на полу.

– Не бойся меня, – заговорил он, – я уже видел тебя и раньше. Ты приносишь интересные сны.

Сновидец недоверчиво и достаточно быстро двинулся по направлению к окну. У него всё ещё оставалось подозрение, что этот странный мальчишка пытается хитростью выманить его на свет, а на самом деле ничего не видит дальше своего носа. Он почти добрался до деревянной рамы, как высокий голосок собеседника снова выкрикнул обескураживающие слова:

– Стой! – он перевёл дыхание, будто нескончаемо долго гнал за кем-то. – Не оставляй меня!

Чёрная тень замерла на месте и решила послушать, что скажет ей этот маленький человечек, в одно мгновение раскрывший великую тайну сновидений.

– Меня зовут... – губы мальчика чётко произнесли имя, но сновидец не мог слышать ни единого звука.

Ни одному существу, приносящему сны, не дано слышать имён и тем более иметь своих собственных. Сновидец прищурился, пытаясь понять неразборчивые слова, и тут же его беспокойство сменилось интересом. Тень, собравшаяся покинуть детскую комнату, подползла ближе к губам мальчика и озадаченно поморщилась. Проворный собеседник всё понял мгновенно и, ловко вскочив на ноги, заметался по комнате. Шорохи заполнили пространство, малень-

кие голые пятки подопечного то приклеивались, то отклеивались от деревянного пола, нарушая ночную сладкую тишину. Вдруг шорох сменился резким скрипом. Это открылась дверца тумбочки. В ночной глади появилось белое светлое пятно, лист бархатной бумаги разрезал небольшое пространство тёмной тихой комнаты. Сновидец скользнул к столу, нависнув над ним грузной серой массой.

«Меня зовут Август», – было выведено на листе.

– А как зовут тебя? – еле слышно прошептал любопытный мальчишка. Он скрестил холодные руки на груди, немного поёрзал от ночной осенней прохлады и ещё ближе наклонился к своей немой тайне.

Отшатнувшись, сновидец скользнул в угол и робко произнёс:

– У меня нет имени.

Его дыхание ослабло или вовсе прервалось. Заметная дрожь пробежала по отчётливому очертанию, неся в себе невероятное волнение.

Глаза мальчика сначала округлились, а затем озадаченно прищурились.

– Это мы сейчас исправим! – прозвенел весёлый голос, и на бумаге появилась новая запись.

Чёрная тень скользнула к потолку и, капая горячим воском на стол, расплылась по его поверхности.

«Я буду звать тебя Шёпот!» – ярким пламенем вспыхнула тревожная надпись.

Ладони сновидца запульсировали светом, внутри них зажглось колкое, но в то же время тёплое, мягкое, волнующее чувство.

«Что со мной?» – подумал он и от полного смятения резко вылетел в окно.

– Шёпот, возвращайся снова, я буду тебя ждать! – трепетный голос мальчика нарушил тишину. И он слышал эти звуки, касающиеся сновидческой горячей груди. Он слышал своё имя! Оно врзалось в каждую часть его бытия и расплзлось мелкими каплями по краям сосуда.

«Шёпот...» – барабанило внутри. – «Шёпот...»

Так он получил своё имя – и уже никогда с ним не расставался.

Гроза стихла. Поздняя осень вальсом кружилась вдоль узких улочек, волоча за собой последние опавшие листья. Шёпот растворился в первых утренних лучах солнца, вместе с холодным пронизывающим ветром скользя под окнами старых кирпичных домов. Его пальцы пульсировали светом, который то загорался ярче с неистовой силой, то затухал. С любопытством он поднимал сухие листья и разглядывал, как они светились на его ладонях, подобно разноцветным фонарикам. Он прислонял их к лицу и вдыхал аромат осени, которая разливалась по его жилам излишней сыростью, сухостью и даже старостью. Природа старела, увядала в это время года. До сегодняшнего дня иероглифы, выбитые на руках, никогда не гасли и тем более не вспыхивали ярким непривычным светом. Он знал, что всё дело в том, что у него появилось имя, которое било по всей его оболочке барабанной дробью, после чего резко затихало и с новой силой ударяло в грудь.

«Хорошо, что у меня есть карманы, – подумал он, – иначе меня могли бы определить в зону забвения».

На прошлой неделе один из сновидцев внезапно стал переливаться всеми цветами радуги, что вызвало большой диссонанс в сонной общине. После такого происшествия за ним прибыли старцы и отвели его в зону забвения. Из этой зоны он так и не вернулся; по крайней мере, Шестой его больше никогда не видел. Существует мнение, что оттуда нет выхода никому и попавший туда обречён на вечные страдания. Но Шёпот считал, что выход есть всегда, главное – вовремя осознать и принять эту мысль. Дело в том, что никто не знает, что происходит за невидимыми дверями сновидческих и сознательных зон, поэтому без толку судачат о своих выдумках. Многие поговаривают, что за границей этих миров идёт очищение душ, после чего

они снова становятся людьми. Но Шёпот подозревал, что не только людьми, но и сознателями, а может, такими же сновидцами, как и все остальные, только с обновлённой памятью и внешностью. Также он не исключал такой вариант, что, возможно, и ему не раз приходилось бывать в зоне забвения, после чего ему тщательно, с особым усердием, выскребали новые накопившиеся знания и обнуляли его заполнившуюся память. Как компьютерная игра, где главный игрок, не дойдя до финиша, ломается, попадает в лапы противника или не успевает достигнуть цели в отведённое ему время. После чего происходит перезагрузка – и игрок приступает к привычному для него этапу игры с первого уровня.

Сновидец часто беседовал сам с собой, представляя, что прохаживается по красным улочкам с какой-нибудь дамой. Он мило снимал перед ней шляпу и выдвигал локоть вперёд, приглашая ухватиться за него. После их воображаемого воссоединения он продолжал свой разговор.

– Все мы остерегаемся этой зоны, поэтому стараемся скрыть от всеобщего осуждения свои приключения, происходящие каждую ночь в домах наших маленьких друзей. Между нами есть негласное правило – не рассказывать никому о снах, которые мы посылаем своим любимившимся героям. Понятно, что из каждого правила есть исключения. По утрам мы собираемся нашей небольшой компанией из четырёх сновидцев и описываем мгновения счастья, которые ежедневно отправляем в земную жизнь. Это похоже на искорки из разных миров, которые мы тщательно собираем в нашей памяти. Часть ненужной информации отсеиваем, часть оставляем в своих ладонях. Там хранится, по крайней мере, около пяти тысяч сновидений и ярких вспышек памяти из материального мира. Мы достаточно хорошо знаем эти миры – наш и человеческий, благодаря общей совместно собранной информации. Стоит нам поднести ладонь к маленькой пушистой головке сорванца, как его память переносится в наше сознание, словно в большой копировальной машине. У каждого из нас имеются номер и определённая внешность, такая же, как и у людей. И у каждого из нас свой характер, своя индивидуальность. Например, номер Двести двадцатый – остроумный шутник, – продолжал он рассказ о своих лучших друзьях, будто показывая, что он неплохой парень и его окружают хорошие ребята. – Пятьдесят девятый – простодушный романтик, Шестсот первый – рассудительный теоретик. Я, Шестой, – отчаянный, любящий справедливость простака, влюблённый в приключения.

И тут начиналась его самая любимая часть. Наконец-то он имел честь поведать своей спутнице о себе:

– Я люблю утренние сборы нашей компании лишь за то, что здесь мы обсуждаем интереснейшие вещи, которые заставляют трепетать наши души от любопытства и наслаждения. Пожалуй, это единственный важный смысл наших сборов. В любом другом случае я бы предпочёл быть в одиночестве, тогда как Двести двадцатый панически боится этого чувства, считая, что одиночество создано для отшельников, социально неразвитых личностей. Мне же порой необходимо уединиться с самим собой, чтобы ощутить в себе образовавшуюся дыру независимости. Каждый из нас должен выговориться. Кто-то подозревает, что человек знает и о нашем мире тоже, но окончательно нам это неизвестно. И всё же мальчик, который сегодня дал мне имя, знает теперь гораздо больше своих сверстников. Но об этом следует помалкивать, – он грозно смотрел на свою воображаемую спутницу и подставлял палец к губам. Воображаемая дама сочувственно кивала головой и медленно удалялась.

Легко паря над каменной мостовой, он нёсся навстречу свету, думая о сегодняшнем приключении. Он был счастлив, смел и возбуждён. Ни разу ему не приходилось перебирать мысли о своём ночном походе такое длительное время. Обычно это заканчивалось двумя минутами восхищения и недолгим утренним рассказом в кругу своих товарищей. Но так как времени на философские размышления всегда не хватало, приходилось умеючи вклиниваться в разговор другого. После утренних бесед наступало время наполнения. Здесь в сновидцев вкачивали новые интересные приключения и счастливые моменты, которые они обязаны были

дарить своим подопечным при ночном дежурстве. Кто-то называл это занятие обедом, кто-то посещением кинотеатра, Шестой же придерживался мнения, что это перепрограммирование личности. После такого времяпрепровождения некоторые воспоминания бесследно исчезали, взамен им приходили новые, порою абсолютно ненужные, но, безусловно, яркие. И всё же ему повезло больше других, у него были карманы, куда он прятал мозаику своих мимолётных вспышек памяти.

Солнце осветило черепичные крыши домов, а Шёпот всё ещё присутствовал в стенах города, серьезно размышляя о судьбе мальчика. И вдруг ему на ум пришла сумасшедшая идея: «А что если я сегодня вернусь в зону ожидания чуть позже обычного, чтобы иметь возможность пронестись прозрачным ветром за Августом, который, скорее всего, уже собирается в школу? Ничего не случится, если я пропущу утреннюю болтовню со своими товарищами. Вместо этого у меня будет идеальная возможность узнать чуть больше о земной человеческой жизни и, несомненно, о себе». Помешкав, он остановился на другой стороне обводного канала. Тень мелькала на играющих волнах Влтавы, колеблясь между двумя крайностями. Немного усомнившись, он бросился назад, но свет на его ладонях напомнил о чудесном имени. Ветер усилился, солнечные лучи проникли сквозь прозрачные занавешенные окна кирпичных домов. Наступило утро.

«Решено, я отправляюсь к Августу! В конце концов, я смогу легко притвориться его тенью и провести с ним сегодня немного времени, изучив его характер, поняв его ощущения».

Все дороги к новому городу шли через большой каменный мост. Мост резко возвышался над городом, как большой толстый живот на теле чиновника, показывая тем самым свою строгость и важность. Когда-то в древние времена он славился оригинальной деревянной системой с разводным механизмом, но в новом столетии его заменили каменной стационарной конструкцией. И всё же в нескольких местах многоуровневого Плащевго моста виднелись деревянные балки, напоминая жителям Чешского городка о чудесном преображении исторического памятника. Сновидец примостился за старым дубом, здесь можно было легко разглядеть каждого, кто стремился покинуть старый город и войти в новый, его лицо, движения и повадки. Вот уже побежали первые сорванцы. Он узнал одного из них.

– Сегодня ночью я приходил к нему до того как попасть в дом к Августу! – воскликнул Шёпот. – Кажется, именно этому мальчику снились белые лошади с длинными пышными гривами. Они гуляли среди степных просторов и фыркали от прикосновения детских пальчиков к их мокрым шершавым ноздрям.

Сновидцу нравились лошади. Он ещё не понимал, для чего ему оставили это воспоминание перед тем как отправить в зону забвения. Возможно, это каким-то образом было связано с его предыдущей жизнью. Быть может, в его далёком прошлом, будучи мальчишкой, он садился верхом на коня и скакал по зелёному полю, обгоняя порывы тёплого ветра. В воздухе пахло ароматным свежим сеном, душицей на солнечном лугу, прозрачным ручьём, малиной и грибами. Усиливая воспоминания яркой вспышкой, он приближался к деревенскому хлеву, где виднелся силуэт седого старика. Дед махал ему рукой, зазывая подъехать ближе.

«Кем же я был до того как стал сновидцем? – мелькнула в нём навязчивая мысль. – Может, я действительно особенный, раз помню некоторые моменты моей потусторонней жизни?»

Вот уже около семи лет он пытался узнать о себе хотя бы малость, но, к сожалению, практически не продвинулся в своих воспоминаниях ни на толику.

Его мысли мгновенно спугнули прозрачные тёплые капли дождя, собравшиеся на листьях деревьев и медленно скатившиеся вниз. Солнечный ореол ободком подтянул к себе серые пышные тучи, которые раскатом грома предупредили о надвигающейся грозе. Самое непредсказуемое время года – это осень. Шёпоту казалось, что за ночь весь запас воды, скопившейся в небе, был полностью выброшен на землю. От этого утро, заступив на смену ночи,

стало таким бодрым, лёгким, воздушным и свежим. Город свободно вздохнул от выплаканных слёз и наполнился озаряющим солнечным светом. Но кто-то резко сменил его лучистое настроение и обрушил на черепичные крыши домов вторую волну ливневого потока. Шестой любил это время года, ему казалось, что он очень на него похож своей непредсказуемостью, сыростью и печалью. Но всё же больше всего он боялся проливного дождя. Сновидцам нельзя мокнуть под прозрачными каплями осени, иначе их оболочка принимает вид объёмной водяной блестящей тени. Он прижался ближе к дереву, пытаясь избежать неожиданной смены погоды. За мостом показалось счастливое лицо Августа. Он подставил ладонь к небу и тут же, остановившись, раскрыл над собой огромный синий зонт. Красный кирпичный город вмиг наполнился всевозможными круглыми разноцветными яркими пятнами. В памяти Шёпота вспыхнули блестящие конфетти, летящие навстречу новогодней ночи. Вот ещё одно дежавю, которое необходимо сохранить в своей бесконечной плёнке. Он бережно выложил его на ладони, скатав в небольшой комок, и упрятал в глубокий карман. Август задорно пробежал мимо него, слегка коснувшись веток большого старого дуба.

– Что ж, – вздохнул сновидец, провожая взглядом своего нового друга, – в следующий раз я обязательно проследую за тобой, а пока нужно незаметно вернуться в зону ожидания к своим любопытным друзьям.

Глава вторая

Этой ночью Шёпот стремился попасть только в дом к Августу, оставив десяток других детей без добрых снов. «Не страшно, если кто-то из моих подопечных не увидит сны. Подумаешь, какая важность! Ничего не случится за одну короткую ночь», – уверял он себя, оправдывая свой беспечный поступок.

Что его тянуло туда? Возможность узнать о своём прошлом? Да, он думал сейчас только о себе. Шестьсот первый говорил о том, что все существа созданы по единому образцу, в них заложено невероятное количество эгоистичности. И ещё о том, что все рождаются единой личностью, умирая в полном одиночестве, при этом думая исключительно о себе. Все его слова сводились к тому, что любое небесное создание целиком руководствуется мыслью о собственной пользе и выгоде. Шестой хоть и часто повторял это себе, но всё же пытался сопротивляться этой точке зрения.

– А как же влюблённый человек? – наклонялся он к своему другу, пытаясь издёвкой вызвать его на интеллектуальный бой.

– Хм, – ворчал друг, отвечая на его низкий поклон, – люди сами не понимают, что такое любовь. Ты знаешь, они вообще глупые существа. Всю жизнь куда-то бегут, растрачивают себя на мелкие кусочки, а потом останавливаются и спрашивают: «А в чём смысл жизни?» И как раз в этот момент у них происходит взрыв бурной фантазии. Они заглядывают в своё несчастное прошлое и осознают, что всё делали не так, как могли или как нужно было сделать, как будто они действительно вправе менять свою линию жизни. Открою тебе секрет: не вправе! Все их поступки, все их события корректируются либо сновидцами, либо сознателями, либо другими подобными созданиями. И даже если человек ступит не на тот путь, то к нему всегда на помощь придёт существо, которое направит его в нужное русло. А он, глупый, страдает, делает из себя серьёзного хмурого ворчуна, опечаленного и обиженного на свою испорченную жизнь, вместо того чтобы наслаждаться моментом и полностью отдаваться ему.

– Так в чём же смысл жизни? – переспрашивал Шестой, уже скорчив недовольную гримасу.

– У каждого свой смысл, – язвительно бурчал собеседник, демонстративно отворачиваясь от его фигуры. – У нас смысл в том, чтобы приносить детям радостные сны, наполнять их головы счастьем и блаженством. У сознателей смысл заключается в воспоминаниях, интеллекте, детском и взрослом подсознании.

– А у людей, – перебивал его Пятьдесят девятый, – смысл в любви.

После этого высказывания он делал надменный и торжественный вид, будто пытался поднять бокал красного вина за здоровье всего человечества.

– Да что же вы всё никак не уймётесь со своей любовью? – вклинивался Двести двадцатый, отталкивая романтичного друга. – Люди привыкли сами себе портить жизнь. Вот, например, встречается им на пути большая сильная любовь. И как вы думаете, что они делают с ней? Заполняют её работой, бытовыми делами, весёлыми досугами, лишь бы вытащить из себя это чувство. Сначала создают, а потом душат в себе эту адскую боль, глушат её очередной дозой успокоительных, лечатся от любви, выплёвывают её из себя. А душа, которая создана по своей сути добродушной, любящей особой, предназначенной для высших чувств, практически рождена для этого, сопротивляется, грызёт изнутри, царапает рёбра.

– Я думаю, – отвечал взъерошенный Шестой своему собеседнику, – что ты сейчас говоришь о невзаимной любви.

– Нет, мой дорогой друг, – сопротивлялся Двести двадцатый, – Шестьсот первый прав, люди уж слишком глупые существа. Они готовы растоптать даже взаимные чувства, сжечь их на костре воспоминаний и потом всю жизнь бродить по их пепелищу.

– Я не думал, что люди способны отталкивать свою вторую половину, – возмущался Шестой. – Ради чего?

Недовольство его нарастало, и он пытался отвернуться от своих собеседников, небрежно взмахивая своей колючей тенью.

– Ради своего будущего успеха, – смеялся Двести двадцатый, цепляясь за его недовольство. – Они считают, что, оттолкнув самое важное в своей жизни, смогут заполнить пустоту материальными ценностями: деньгами, украшениями, дорогими домами, служебными успехами. О, как же они глубоко заблуждаются на этот счёт. Ступив один раз в воронку смертельных чувств, не разгадав при этом её истинных намерений, они никогда не поймут смысла своей судьбы.

– Да и вообще, – перебивал его Шестсот первый, пристально обращаясь к Шестому, – влюблённый человек, в первую очередь, думает о себе. Наверняка ты слышал о выражении «Я люблю тебя не за то, кто ты, а за то, кто я, когда я с тобой».

– Знакомое высказывание, – отвечал тот, пытаясь за секунду перелистнуть библиотеку своих воспоминаний.

– Габриэль Гарсиа Маркес, «Сто лет одиночества!» – с надменным видом заявлял он. – Прочитал на полке своего Четвёртого подопечного.

Сновидцы предпочитали называть детей номерами, иначе невозможно было понять, о ком идёт речь. Бывало, что Пятьдесят девятый забывался и начинал описывать дом, прекрасный сад, удивительную комнату своего очередного героя, но строгий теоретик Шестсот первый резко останавливал его и серьёзно заявлял: «Номер! Называй номер!» Пятьдесят девятый хмурился, но в силу своей эмоциональной творческой природы продолжал рассказывать историю более красочно, чем это делали другие.

– Что же получается? – возмущался Шестой. – Мы влюбляемся не в того, кто стоит перед нами, а в самих себя? В свои ощущения? Как же распознать подлинность чувств? – при этом он сужал круг, подходя ближе к каждому из своих друзей. Ему хотелось заглянуть им так глубоко в душу, чтобы они не осмелились возражать ему. Но спор нарастал, отдаваясь скрипящей нотой несогласия.

– Во-первых, когда человек влюблён, чувство заполняет всё его нутро. Ураган сметает попытки разумного восприятия пространства, захватывает все потайные уголки мозга, сердца, печени. Всё, что образовывается внутри него, и есть любовь. Эмоции, которые захватывают его, являются его собственными. Всё, что ожило в его внутренних комнатах, лишь образ, галлюцинации, плод больного воображения. Любовь внутри того, кто любит. Она там живёт, танцует, спит, пьёт, смеётся, плачет и в одно мгновение собирает свои пожитки, открывает настежь дверь и покидает отчий дом.

– А что если любовь – это такое же существо, как и мы, только более примитивного уровня? Если у нас присутствует возможность внедряться в человеческий разум несколько раз в сутки, то им даётся два-три шанса в жизни, а кому-то и один, после чего они навсегда умирают в этом человеке и перерождаются в другую личность?

При размышлениях о любви вдохновение Шестого вспыхивало яркими красками, кружась маленькими искорками в манящей невесомости, будто это безумное чувство, притаившись, сидело в глубине его окаменевшей души.

– Какая интересная мысль! – восклицал Пятьдесят девятый, отвечая теми же вспышками. – Я уверен, что так и есть, но в связи с ограниченным опытом мы не можем знать об их мире, так же как и человек – о нашем. Но всё же я не согласен с примитивным уровнем. Скорее всего, наоборот, это более развитая цивилизация. Они живут в одном человеке всю жизнь, а мы, как мартышки, перескакиваем с одного дерева на другое.

– Во-вторых, – хмурясь, перебивал Шестсот первый, мгновенно возвратившись к началу разговору, недовольно бросив взгляд в сторону Пятьдесят девятого. Его никогда не забав-

ляли философские темы, он любил говорить много, но по делу. – Мы всего лишь сны, украдкой входящие в ночные сумерки. Для чего тебе эта бестолковая информация? Но даже когда мы наполняем историями милые головки ребят, мы также берём инициативу в свои руки, показывая им кинофильмы, интересующие нас самих. Вот ты когда-нибудь узнавал, чем обеспокоен твой очередной подопечный? Я – нет.

– Мне кажется, что в прошлой жизни я был учёным, который выдвигал интересные гипотезы о параллельных мирах, – не обращая внимания на размышления Шестсот первого, вклинивался Пятьдесят девятый.

И хотя Пятьдесят девятый был весьма странным существом, вся сонная община его обожала. Из всех парящих в воздухе существ он был единственным, кто подолгу мог летать в облаках. Причём это можно было сказать как в прямом, так и в переносном смысле. Пожалуй, в прошлой жизни он был не учёным, а каким-нибудь абстрактным художником, который на последние деньги создавал свои бессмертные шедевры. Шестому он был ближе всех по духу. Они могли часами беседовать о различных экспериментах над людьми, об их восприятии жизни и ещё об очень многом. Их души были схожи каким-то бесконечным вдохновением. Они умели шутить и в то же время грустить и сердиться. Как-то раз Пятьдесят девятый рассказал о письме, которое нашёл в одном из домов своих подопечных. Больше всего Шестому поразило то, что это письмо он забрал с собой и спрятал где-то под каменистой брусчаткой. Каждый вечер, собираясь на службу, он прочитывал его несколько раз, будто эти строки невероятно много значили для него:

«...В каждом письме я просила тебя не отвечать мне, чтобы оберечь себя от муки ожидания, от неосознанного расстройства и без того уже расшатанной психики. Я знала, что ты никогда не ответишь, поэтому просила тебя молчать, успокаивая себя своими же просьбами. Чувствовал ли ты когда-нибудь, что в своих письмах я прощаюсь с тобой? Спускаюсь по ступенькам, с каждым письмом отдаляясь от тебя. Сегодня я последний раз пишу тебе, потому что, наверное, выросла и, наконец, разузнала всю правду. Тебя нет, мой дорогой папочка, ты оставил меня ради того, чтобы я жила и, конечно же, как ты учил, писала тебе письма. Вот только сейчас я поняла, насколько была глупа. Папочка, если бы ты только знал, как мне было плохо всё это время в чужом городе, среди чужого народа. Лучше бы я умерла вместе с тобой...»

Пятьдесят девятый никогда не рассказывал, почему его так заинтересовало это письмо, да и Шестой не пытался лишний раз напоминать ему о нём. Было понятно, что у письма есть начало и конец, но Шёпот знал только его середину, однако догадывался, что, вероятнее всего, Пятьдесят девятый тоже имел какие-либо воспоминания о своей прошлой жизни.

– А я не знаю, кем бы я мог быть. Меня интересуют только мои далёкие обрывистые воспоминания, мимолётные вспышки дежавю. Значит ли это, что я вообще кем-то был? А что если не существует ничего, что было до нашего сегодняшнего обличия? А все эти искорки – лишь безупречная стратегия чьего-то промысла, – задумывался Шестой.

– Бывает даже так, что, порядком устав, я прокручиваю каждому ребёнку один и тот же сон, – второпях говорил Шестсот первый, резко сменив тему.

– А разве так можно? – вклинивался в разговор Двести двадцатый.

– По крайней мере, в книге забвения об этом ничего не сказано!

Шестому хотелось верить, что всё же, предпринимая какие-то действия, сновидцы периодически думают и о других созданиях, быть может, в чём-то помогая им, развивая их навыки и личностные качества. По крайней мере, он считал себя гораздо благородней своих товарищей. А сейчас он почему-то осознал, что преследует лишь свои эгоистичные намерения. Шестой был уверен, что совершает правильный поступок по отношению к себе, ведь он так много лет пытался угодить другим, помогая осуществлять их нелёгкие замыслы. Он настаивал, что ему необходимо знать о своей судьбе, поэтому, несколько не заботясь об остальных

подопечных, которым, возможно, был нужен сновидец в эту самую минуту, он стоял на пороге каменного серого особняка. Он размышлял о том, что, вероятнее всего, в далёком прошлом он был замечательным человеком, недаром его выбрали для несения такой ответственной миссии – дарить детям прекрасные добрые сны, и потому ему было довольно неприятно раскрывать в себе не присущий его оболочке эгоизм. Такие мысли угнетали, кололи иголками и тут же расплзались паутиной в разные стороны. После этого приходилось надолго зависать в оболочке своего сосуда. У сновидцев нет комнат, как у людей. Нет домов. Но есть пространственные сгустки, где они пребывают между временем наполнения и несением службы. Там они остаются наедине со своим мыслительным потоком, размещая интересные истории на отрывок сна для своих подопечных. Это подобно киноплёнке, на которую записывают всю необходимую информацию, после чего её убирают в железную банку для бережного хранения безупречных воспоминаний. В эти часы Шестой любил фантазировать о своей человеческой судьбе, как моряк в пустыне – о дальнем плавании.

«Как же было бы здорово, если бы я оказался каким-нибудь монахом или пророком, проповедующим жителям планеты о счастье и вере в него».

Но потом он прерывал эту мысль, считая себя неудачным праведником, раз человечество до сих пор несчастно.

«А может, я был простым рабочим, который по выходным водил детишек в парк, по утрам выгуливал собак, а после работы забегал в магазин, чтобы купить пару йогуртов и бутылку минеральной воды?»

Больше всего его забавляло представление, что в конце своей жизни, лет в семьдесят-восемьдесят, он совершил какой-нибудь подвиг или величайшее открытие, которое перевернуло всю историю человечества. Подходя ближе к развязке своей судьбы, он путался, его мысли разбредались в разные стороны и в конце пути упирались в глухую стену.

Шёпот незаметно проскользнул сквозь занавешенное окно, упёршись в плотные тёмные шторы, после чего тут же нырнул под кровать и на мгновение замер, сгустившись большим чёрным облаком на полу детской комнаты. Тишина заполнила каждый угол дома, сообщая, что началась ночь и все обитатели серого печального замка спят, укутавшись в тёплые пуховые одеяла. За окном изредка слышались взмахи крыльев ворон, перелетающих с ветки на ветку. Погода стояла тихая, лишь ветер иногда путался в углах здания и беспомощно пел о своей судьбе, просвистывая гулкую мелодию осени. Чёрная тень бесшумно двинулась по узорчатым обоям, чтобы лучше разглядеть лицо мальчика. Август сладко спал, обхватив мягкую подушку руками. Дыхание было ровным и глубоким, он то хмурил брови, то чуть заметно улыбался. Тень доброй руки скользнула к маленькой пушистой головке, чтобы послать своему новому знакомому приятные сновидения, которые он целый день так старательно готовил в своём пространственном сгустке. Но в одно мгновение тень затрепетала, яркий свет ладоней озарил комнату, будто кто-то неожиданно зажёл лампу. Мальчик нахмурился и перевернулся на другой бок. Сновидец опешил, но, боясь разбудить ребенка, мгновенно сунул руки в глубокие серые карманы. Свет тут же погас. Волной его отбросило к письменному столу, где на некоторое время расплывшийся образ завис в воздухе. Рассекая темноту, на поверхности стола возвышалась прозрачная бутылка, из которой торчал лист белой бумаги, аккуратно свёрнутый в узкую трубочку. Шёпот потянул за край записки и развернул её. В голове забился резкий пульс, стена беспощадно легла на грудь, придавив её своей бетонной плитой. Он попытался двинуться, но всё тщетно. Руки не слушались, оболочка отяжелела, принимая форму грузного физического тела. Тысяча барабанов заколотили по ушным перепонкам. Он схватился за голову. Порыв ветра подхватил его оболочку и вихрем понёс куда-то вдаль. Долгое время он просто падал, пока не оказался на холодном белом снегу. Стены тут же исчезли, перед ним разлилась широкая река, покрытая коркой льда. Чёрная ночь сменилась белым торжественным днём. Чьи-то нежные руки держали прозрачную бутылку с многозначашей запиской.

– Только бросай подальше, туда, где нет льда. Вдруг она разобьётся и наше желание не сбудется, – зашумел будоражащий женский голос.

Странный знакомый силуэт то вздрагивал от волнения, то пристально всматривался ему в глаза, пытаясь угадать его дальнейшее действие.

– Не разобьётся, – ласково ответил он и притянул хрупкую фигуру к себе. – Весной лёд растает – и бутылку с запиской унесёт течением к океану.

Немного сжавшись, она развернула записку и прочла ещё раз: «Мы будем любить друг друга вечно».

– Это будет нашей безмолвной клятвой, – произнёс он и провёл пальцем крест на своей груди. Его спутница повторила тот же жест.

– Это будет нашей клятвой, – зазвенел звонкий голос.

Солнце переливалось на белом пушистом снегу, отражаясь в её глубоких глазах. Он смотрел на неё и не мог поверить, что всё это происходит сейчас на самом деле. Его зрачки забегали в ожидании какого-то чуда. Рукой он прикоснулся к её лицу, не в силах отвести взгляд. Она стояла перед ним такая нежная, живая. И он хотел запомнить этот момент и никогда больше не терять его из памяти. Казалось, что всё время пребывания в оболочке сновидца он читал какую-то важную книгу, где отсутствовали самые главные страницы его жизни. Будто их кто-то сознательно вырвал, а сейчас обратно вложил ему в руки.

Неожиданно пошёл снег, и он протянул перед собой ладонь. Белые бархатные снежинки таяли, касаясь его горячей кожи.

– Видишь, это хороший знак, – улыбнулся он.

Она рассмеялась и рывком наклонилась к его лицу. Он почувствовал тёплые мягкие губы и сладкий запах жасмина. О, этот запах, как он часто врывается в уголки его памяти и нарушал привычный порядок бытия. Он будоражил сознание, заставляя дышать ещё глубже, ещё ненасытнее. Мужские пальцы завели шёлковую прядь волос за её ухо.

– Здесь моё место. Слышишь? Оно только моё!

– Я вся твоя, – еле слышно прозвучал женский волнующий голос.

– Ты так вкусно пахнешь! Почему ты так вкусно пахнешь?

– Для тебя, – так же мелодично лился еле слышный шёпот.

Её волнистые волосы защекотали его щеку. Грудь наполнилась тёплой нарастающей волной безумия, страсти и в то же время обжигающей боли.

– Я люблю тебя, – прошептала она. – Я так сильно тебя люблю...

Шёпот осознал, что для него эта женщина вдруг стала самым дорогим человеком на свете. Он попытался вспомнить её имя, но оно вылетело из его головы, как стая чернокрылых воронов. «Кто ты? Кто? – пульсировало в венах. – Кто ты, дорогой мой человек, которого я не хотел забыть? Которого я не должен забыть! Назови мне своё имя! Назови мне его!» Он настойчиво затряс её за плечи:

– Говори же!

– Я люблю тебя, – заплакала она.

Его тело обмякло, лишь голова печально закачалась из стороны в сторону.

– Так я твоё имя не вспомню...

В одно мгновение свет погас, и Шёпот снова оказался в тёмной детской комнате. На ладонях лежала записка: «Мы будем дружить вечно».

Никогда ещё у сновидца не возникало таких ярких оглушающих воспоминаний. Он ощутил тревогу и в то же время тепло, нежность, прилив лёгкости. Он попытался сосредоточиться на сне, который ему предстояло показать своему подопечному, но мысли лезли в голову и не хотели останавливаться. Река бурлила в его ладонях, там был белый холодный снег и горящие любимые глаза. Всё безудержно вспыхивало и снова гасло. Было ли это воспоминанием или чьим-то беспокойным сном, определить он не мог. Зимнее холодное утро и красивая

стройная гибкая фигура, скользившая по тонкому льду, бились в его ладонях яркой горячей искоркой. Пламя огня танцевало в его глазах. Ничего не существовало, кроме него и этой женщины, которая ураганным ветром ворвалась в комнаты его опустевшей памяти. Вспыхнувшее чувство переполненности, единения, сплочённости с другой душой озаряло тёмный, блеклый угол дома. Внутри поселилось сомнение, будто всё, что только что случилось с ним и этой женщиной, никогда не существовало. С большим трудом он попытался воспроизвести в голове мелкие детали трепетной встречи, но понял, что в нём остались только общие очертания далёкого отголоска памяти. «Или всё, что мне сейчас привиделось, и вовсе никогда не существовало? Только странный отрывок кино или чьей-то истории, которая ярко вспыхнула, ослепив пространство вокруг себя. А потом всё как-то туманно... Далеко... Мы были, но нас нет», – кричал его обезумевший взгляд.

И снова яркая вспышка. Настырный скрипучий тонкий звук. И тишина...

– Если затушить огонь, то он погаснет, но если остались хотя бы маленькие угольки, то стоит только подуть на них, и они снова вспыхнут. Но если углей нет, хоть самой малейшей искорки, он больше никогда не загорится. Никогда!

– А у тебя остался хоть небольшой уголёк? – зазвучал печальный женский голос.

Он подошёл сзади, уткнувшись в ворох её волос, а затем медленно перевёл взгляд на зеркало. Ему хотелось навсегда запечатлеть этот момент. Она в красном платье, в чужом городе, рядом с ним.

– Во мне целое пожарище! – прошептал он и развернул её к себе, запустив пальцы в струящиеся длинные волосы.

– Мне пора уезжать, – чуть слышно проговорила она, пытаясь оттолкнуть его, загордиться от него руками, поставить непроходимый барьер, толстую бетонную стену, только бы он не видел её лица.

Глаза наполнились прозрачными блестящими слезами. Они тихо скатывались по бело-снежным щекам, задерживаясь у уголков губ. Он прильнул к лицу, почувствовав солоноватый вкус её безмерной боли.

Комната снова обрела свой привычный чёрный оттенок. Двести двадцатый уверял, что идеального чёрного цвета в природе не существует. А Пятьдесят девятый спорил, что увидеть натуральный цвет можно в чёрной пустой комнате, занавешенной бархатными чёрными шторами, имея под рукой чёрный лист, в котором заранее вырезан круг. И вот если посмотреть в это отверстие, можно увидеть настоящую мглу.

Сегодня Шёпот увидел эту мглу и негаснущий яркий свет, будто бы оказался перед дверным глазком, ведущим в неизвестный ему мир. А ещё – себя в прозрачном отражении настенного зеркала. Там ему около тридцати лет. Он среднего роста. Тёмные волосы, небольшая щетина двухдневной давности и рассеянный пьяный взгляд. «Я пьянею оттого, что смотрю на неё. Но кто она, кто?» – он злился на себя, пытаясь вспомнить ещё хоть что-то связанное с его прошлой жизнью, но всё тщетно. «Я был мужчиной, который неистово, трепетно и порою безбожно любил женщину на расстоянии нескольких городов, нескольких тысяч километров, пытающимся жить с постоянным чувством осознания того, что нам не суждено остаться вместе на долгие-долгие годы. Вероятнее всего, это была бы менее трагичная история моей человеческой жизни, если бы она не любила меня так же, как и я её. Самоотверженно, глубоко, порою истерично. Её мысли всегда были сплетены с моими, её душа была канатом перевязана с моей. Всю жизнь мы угробили на то, чтобы оплакивать друг друга в своих мечтах, мыслях и желаниях. И кто знает, почему так и не оказались вместе, хотя бы на закате своей жизни? Или всё же оказались? Но сегодня она уезжала...»

Шёпот перевёл взгляд на знакомого мальчишку, пытаясь понять, что он делает здесь, как он сюда попал? Где та женщина, которая ещё пару минут назад была рядом с ним? И как ему узнать её среди других?

За окном снова полил дождь, он привёл мысли в порядок, восстановив реальную картину бытия. Чёрные вороны зашуршали мокрыми крыльями. Над городом всё ещё возвышалась дремучая холодная ночь.

Он поспешил проникнуть в сознание своего маленького друга, но тут же понял, что совершенно не помнит то, что ещё днём собирался представить ему на обозрение. Он резко остановился и, волнуясь, стал перебирать в своей памяти что-то совершенно непохожее на его сегодняшние воспоминания. Та женщина всё ещё стояла перед его глазами. Она сверкала своей улыбкой, наклонялась к нему, целовала его и пела. Всё пела и пела. Что-то совершенно непонятное, нечёткое, но очень красивое, разливающееся по комнате будоражающим голосом. Шёпот встряхнулся, собрался с мыслями и всё же принялся за свою сновидческую работу. Его тень перетекла в сознание мальчика, и они оба ощутили трепетное беспокойство от надвигающейся бури историй.

Корабль мчался на всех парусах, разрезая волны вдоль огромного деревянного корпуса. Штормило. Жгучий дождь ронял свои ледяные капли на мокрую скользкую палубу. Тучи нависли над чёрным морем, сплетаясь своими красками, как корни деревьев между собой, окутывая калёную мглу. Ночь завладела всем пространством сна, лишь молния изредка озаряла небо, нарушая изысканную темноту. Чёрные краски картины смешивались с фиолетовым, красным, жёлтым сиянием. Неизвестный художник, которым, по сути, являлся сновидец, вылил всю свою богатую палитру тёмных оттенков на холст, и все светлые тона тут же утонули в воронке теней. Так темнота торжествовала над светом. Так любовь рассеивала свои капли в пространстве, соприкасаясь с хаосом, мгновенно разбиваясь в нём. Происходило что-то страшное и тревожное. В воздухе висела молчаливая боль, падая на плечи всем, кто участвовал в этой картине. Матросы суетились на палубе, пытаясь сдерживать паруса, но вода наполняла корабль. Брызги стелились по деревянным перекадинам, ветер свистел между тонких щелей корабля. Со всех сторон раздавались истошные крики: «Лево руля! Куда ты тянешь? Чёрт бы тебя побрал, лево руля!»

Тонкая печальная женщина, тенью раскинувшаяся по палубе, сидела на деревянной мокрой мачте, поджав колени. Она склонилась над капитаном, держа в своих хрупких ладонях его растрёпанную голову. Сновидец попытался заглянуть в её лицо, но она то и дело отворачивалась, перемещалась из одного положения в другое. Её тонкие пальцы соприкасались с густыми волосами мужчины, который тяжело дышал, закатывая глаза. Хрупкая, до невозможности знакомая фигура пыталась не показывать своих слёз, чтобы ни в коем случае не раскритиковать себя. Для капитана корабля было всё кончено, рана была смертельна, и они оба понимали это. Она раскачивалась, как беспокойный маятник, резко наклонившийся из стороны в сторону, повторяя как заклинание: «Потерпи ещё чуть-чуть! Милый, потерпи!» Он крепко сжал её руку и заглянул в глаза: «Дорогая моя, всё будет хорошо. Я всегда буду с тобой, в твоём сердце!»

– Леди, вот врач! – крикнул матрос.

Старый седой мужчина с обгоревшим лицом и руками, в белом халате, оттолкнул женщину назад. Матрос обхватил её хрупкие сутулые плечи, не давая возможности пройти обратно. Но это только действовало на неё раздражающе, она намеренно вырывалась из его цепких рук.

– Пожалуйста! – заплакала она.

– Не положено! – выкрикнул матрос, косясь на своих товарищей, тем самым требуя от них поддержки.

– Как это случилось? – перебил его врач, разорвав рубаху пострадавшего.

– Молния попала в гик и разломил его пополам. В это время капитан был у штурвала. Часть балки прошла сквозь него! – торопливо проговорил матрос, ослабив на мгновение руки.

– Она что здесь делает? – перекрикивая шторм, врач кивнул головой в сторону плачущей женщины, нахмутив без того хмурые брови.

Матрос не ответил, лишь пожал плечами, смущённо поглядывая на её плечи.

– Нужно перенести его в каюту! – ещё громче прокричал врач. – И успокойте уже её! Баба на корабле... – он не договорил, лишь зло опрокинул взгляд.

Капитана отнесли в каюту, а женщину перевели в другую, более тесную и неудобную. Но в этот момент ей было всё равно. Её разум заволокли тучи несбыточных надежд, скверных мыслей и тяжёлого серого надвигающегося безнадежного уныния. Сновидец оглядел её с ног до головы, будто бы это было невероятно важно для него. На ней было плотное длинное тёмное платье, подол доставал до пят. На ногах надеты лаковые ботинки с небольшим каблучком, завязанные не шнурками, а красными атласными узкими лентами. Она лежала пластом и смотрела в потолок, но когда за дверью раздавались шаги, вскакивала и суетливо проговаривала: «Что с ним? Где он?» Никто из помощников капитана не отвечал на её вопросы, и сновидцу захотелось прижать её к себе, успокоить, рассказать, что её любимый жив, хотя он и не видел его довольно долго, не заходил к нему. Ему было гораздо интереснее наблюдать за этой серой долговязой тенью, скользившей по каюте корабля. Как положено, три раза в день ей приносили еду. Она не ела ни крошки, и он почему-то переживал за эту женщину. Лицо её потемнело, а спустя некоторое время она стала терять сознание. Тогда матросы в панике вызвали к ней врача. Шёпот обрадовался, что в каюту придёт человек, обладающий полной информацией о случившемся, ведь это была идеальная возможность узнать о капитане корабля. Она присела на кровать, чуть облокотившись на пышные перины, и замерла в ожидании. Сновидец заметил, что она немного повеселела, от этого он повеселел тоже.

Прежде чем войти, врач постучался в каюту, но она не подала голоса, лишь уставилась в маленькое круглое окошко иллюминатора. Шёпоту хотелось закричать ей: «Что же ты, вставай! Принимай гостей!», но он впервые был не властен над своим сном, будто его заперли в чужом доме и заставили наблюдать за происходящим из окна. Не дождавшись ответа, врач вошёл в каюту, резко отворив дверь.

– Ну и что мы, милочка, будем делать? – язвительно заговорил он.

– Умирать! – грубо ответила ослабевшая фигура, резко запрокинув голову навзничь.

– От любви не умирают, – проворчал он, поудобнее усаживаясь на краю кровати.

– Но умирают без любви, – прервала она наставления врача.

– Вопреки всему нужно жить, не отчаиваться и не унывать! – попытался он поддержать настырную особу.

– Да что вы знаете об унынии и отчаянии? – воскликнула женщина. Она так кричала, что матросы за дверью резко остановились, прильнув к двери знакомой каюты.

– Отчаяние и уныние. Одни из семи смертных грехов. Какая тонкая грань между любовью (одной из заповедей) и унынием. Как легко любовь превращается в грех. После таких размышлений меня берёт сомнение, существует ли что-то после смерти – или мы всего лишь брэнное тело, которое через короткий промежуток времени перестанет существовать? А дальше только спокойствие, тишина, пустота и темнота. За чертой всего лишь чёрная пропасть без надежды продолжения существования. Из-за этого перестала ходить в храм, перестала молиться, стало всё бессмысленным. Любовь и уныние. Любовь и отчаяние. А что потом? Смерть и пустота?

Врач еле слышно откашлялся, пытаясь перевести дух после сказанных слов. В морщинах у его глаз блеснула слеза, и он мгновенно вытер её своим белым рукавом.

– Ты должна жить, ради него, без условий! – повторил он свои наставления.

– Он умрёт? – она резко перевела взгляд в сторону врача и вопрошающе выставила руки перед грудью в виде зажжённой свечи.

Врач задумчиво замер в одном положении, пытаясь подобрать правильные слова. «Ну же, отвечай!» – кричал сновидец, будто для него это играло важнейшую роль. Рука доктора резко взлетела, почесала голову. Из-за этого прозрачные очки тут же съехали с переносицы, и он резко вернул их на место одним движением пальца. Казалось, что минуты тянутся вечность. Раскашлявшись, он всё же заговорил, подавляя нахлынувшие эмоции:

– Милочка, все мы смертны, что ж поделать?

– Что с ним?! – закричала она, резко вскочив с кровати.

– Сегодня он скончался. Я приказал матросам выгрузить тело на острове Святой Марии. Это было его последним желанием. Ах, да... Надо жить! Он передал, что пока вы, милочка, живы, он тоже жив!

Врач торопливо опустил руку в карман халата, затем достал красную шёлковую нить и обвязал её вокруг тонкого запястья женщины. Шёпот пристально смотрел на её руки, её прозрачную бархатную кожу, в висках нарастал истошный пронзительный крик.

– Три дня я ждала его смерти, а вы даже не пустили меня к нему! Доктор, дорогой, что же вы наделали? – её голос впился в ладони сновидца и оглушил своим величием. Беспокойная тень тотчас же покинула своё пристанище.

Первые лучи солнца озарили комнату, играя с цветными узорами обоев. Шёпот встряхнулся и тут же выскользнул в окно, зависнув на стенах серого каменного замка. «Что это было? – спрашивал он себя. – Это же безобразие, непостижимое ни одному сновидцу!»

Сновидцы имели право посылать своим подопечным только ласковые, добрые сны. Но сегодня мысли Шёпота были заблокированы каким-то неизвестным существом, которое удерживало приятные сновидения и открывало дверь новым всепоглощающим эмоциям. Такие сны, как сейчас, такие страшные кошмары, могли демонстрировать только сознатели. «Что случилось этой ночью? Почему мои мысли путаются, разлетаются в стороны и не могут собраться воедино? Как, будучи светлым созданием, я умудрился окунуться в жуткие события странных болезненных снов?» – спрашивал себя Шестой, пытаясь найти хоть какой-то ответ. Его оболочка отяжелела, негаснущий свет на его ладонях стал менее ярок. В нём происходили перемены, и он осознавал это с каждым тяжёлым пронизывающим вздохом.

«Нужно избегать этого дома, нужно избегать этого дома!» – настойчиво твердил себе он, но любопытство выпрыгивало вперёд, дразня пугающие мысли, заслонив всю твёрдость его несказанных слов. Переведя дух и немного поразмыслив о случившемся, он всё же принял решение проследить за своим новым знакомым. Он уверял себя в том, что ему необходимо добраться до ядра сути, выяснив всё, что поможет разобраться со своими видениями, своими мыслями и странными непривычными снами. «Кто я такой? – чеканило в его груди. – Что со мной происходит?»

Глава третья

Когда на землю медленно опускается плотная ночная пелена, он примеряет роль строгого мужчины в сером пальто, надевает воображаемую фетровую шляпу в тот же тон и расхаживает по каменистой твёрдой брусчатке, монотонно стуча тяжёлыми чёрными ботинками по её ухабам. Но на этот раз Шёпот непривычно для себя облачился в свой знакомый образ, как только первые лучи осеннего солнца надвинулись на пробуждающийся жилой квартал. Он был страшно разбит и измучен, поэтому чувствовал необходимость пройтись по красным улочкам полюболюбившегося ему города, прислушаться к их стенам, чтобы осознать надвигающуюся неустойчивую боль. На него нахлынула гнетущая тоска, какую навеивает осеннее утро человеку, который расстался со своей любимой. «Осень для расставаний – весна для встреч», – промелькнула мысль, лёгким пёрышком касаясь его груди. Ладони похолодели, наполнились странными ощущениями, будто на его руках росли невидимые объёмные пузыри, лопающиеся при малейшем неосторожном движении. Вся телесная оболочка пульсировала натянутой звонкой струной, отзываясь протяжным тонким гулом в его воображаемой голове. Он поглубже натянул на неё фетровую шляпу, чтобы заглушить этот пронзительный писк, и зашагал в сторону известного горбатого моста. Осеннее тёплое утро улыбалось прохожим очнувшегося от сна городка, зеркально отбрасывая своё отражение на прибрежную мостовую. Весело грели его последние лучи, задорно заглядывая в окна местных жителей. Лишь дети, идущие этим прекрасным утром в школу, были отчего-то хмуры, невеселы и озабочены. Кто-то шумно пробежал мимо серого силуэта, звеня тоненьким голоском, а кто-то, нахмурившись, смотря под ноги, пинал мелкие рассыпчатые камни.

Город потускнел, осунулся. Казалось, что даже яркие цвета домов мгновенно поблекли при свете утреннего солнца. Действительно ли горожане стали более пасмурны или всё же что-то происходило внутри сновидца, ещё предстояло выяснить. Но его преследовало ощущение, будто кто-то вывернул его душу наизнанку, показав другую, незнакомую сторону жизни.

Раздумывая о прошедшей ночи, он пересёк каменный мост и остановился возле любимого большого дерева. Листья медленно зашуршали, узнав своего товарища в новом человеческом облике. Он часто приходил к четырёхсотлетнему корявому дубу, прислушивался к шелесту ветвей, обменивался с ним энергией. Ему нравилось общаться со своим неммым товарищем, казалось, что тот понимает его, подбадривает и поддерживает, при этом никогда не разболтает великую тайну бытия, потому что не умеет говорить. Хотя мысли тоже имеют материю, но менее тонкую, подобную энергетическому заряду, всё же на физическом уровне их расшифровать невозможно. Сейчас в энергетической оболочке Шёпота образовался пробой, дыра, что означало лишь одно: часть его была мертва или, наоборот, пробуждалась, открывая пространство в новое неизвестное начало. Серый силуэт в фетровой шляпе слился со стволом дерева в одно целое, чтобы заполнить себя жизненно важными процессами, зашивая пробоину альтернативной заплаткой. Таким образом, он снова принял облик цельной прозрачной мелькающей тени, спрятав серый наряд в свои бездонные карманы.

Каменный мост устало загудел от тяжести проезжающих по нему колёс. В это время в городе начинался час пик, и невероятное количество автобусов в спешке устремились развести своих пассажиров до конечного пункта назначения. Всё вокруг шумело, мелькало, носилось со скоростью звука, лишь никому не известный сновидец наблюдал за всеобщей суетой, умело пряча в себе всепоглощающие безудержные эмоции. Вся эта обстановка ощущалась частью его самого, казалось, даже стены зданий подмигивали ему в ответ, прищёптывая обескураживающие слова: «Это только начало, наш друг». Каждый объект в духовном и материальном мире имеет живой элемент, в котором спрятана его самая сакральная часть, отвечающая за чувства. В человеческом мире этот орган принято называть сердцем, его не видно челове-

ческому глазу, но легко ощущают сновидцы. Шестому часто приходится сталкиваться с говорящими часами, печальными поездами и самолётами, которые страшно любят трагические истории. Часы рассказывают о бесцельно прожитом времени, поезда и самолёты – о горьком расставании. Мосты обычно говорят о двух далёких берегах, которые им приходится то и дело сводить и разводить. Но тот мост, что на протяжении нескольких веков сводил два берега одной реки Влтавы, был невыносимо жалостлив к себе и часто возмущался, ощущая на себе человеческую суету, завывая при каждом своём печальном вздохе. От этих неожиданных стонов Шестой оглянулся назад, узнав в одном из прохожих своего грустного подопечного, который нёс на своих тонких плечах большой синий рюкзак. Его голова свисала с плеч, взгляд потупился, руки грелись в карманах школьных брюк, а старые ботинки волочились по каменистой брусчатке, не замечая никого на своём пути. Ещё ни разу сновидец не видел своего знакомого весёлого мальчугана в таком печальном, тоскующем виде. И тут же он осознал, что сон, который приснился ему этой ночью, мог нарушить все его вдохновенные мысли и мечты. Усталость запульсировала в его охладевших ладонях, иероглифы стали медленно гаснуть, оставляя после себя болезненные ожоги.

– Август! – приятный голос окликнул невесёлого мальчугана. Впереди него стояла стройная девочка в расклешённой васильковой юбочке, в белых плотных колготках и лаковых светлых сапожках. На ней было надето синее ворсовое пальто, а за хрупкими плечами возвышался школьный большой рюкзак. Она игриво улыбнулась, сверкнув своими манящими ямочками на белоснежных нежных щёчках. Но тут же мыслями Шёпота завладела другая похожая улыбка.

– Я люблю тебя! – крикнул он. – Я люблю тебя!

Голос загрохотал, как раскат грома в неясную погоду, хотя в воздухе висел тёплый морской воздух. Он свернул ладони в трубочку и как можно громче ещё раз выкрикнул призывные слова.

– Тише, дурачок, ночь же. Разбудишь кого-нибудь, – засмеялась она, прижав хрупкие пальцы к его обезумевшим губам. Он любил эти тонкие пальцы, этот мелодичный голос, эту изумительную улыбку, эту нежную ямочку. Его всегда удивляло, что у неё всего лишь одна ямочка. Он провёл по её лицу своей горячей ладонью и поцеловал в щёку.

– Я люблю тебя! – продолжал он выкрикивать фразы и тут же ощутил давящий груз своих слов. Грудная клетка заполнилась обжигающим паром, и он увидел это мимолётное событие со стороны.

Она хохотала, кружась вокруг него завораживающим вальсом, размахивая подолом воздушного лёгкого платья. Глаза сверкали неоновыми огнями, сливаясь с блеском звёзд, сияющих на ночном небе. Веснушки расползлись по весёлому родному лицу, маня своей задорностью. Тёплая ночь легла на плечи курортного города, от этого в воздухе стоял свежий запах солёного моря, счастья и невозвратимого мига влюблённости. Тут же он замолчал, наблюдая за порханием своего лёгкого искрящего мотылька. Она подошла ближе и заглянула ему в глаза, дотронувшись до самой глубокой частицы души.

– Не забывай меня. Следуй за своим сердцем. Борись, прошу тебя, борись за нас до конца! Не отпускай нас! – вырвалось из её груди, запорхнув в его горячее сердце. Он заплакал.

Вспышка воспоминания погасла, и, пошатнувшись, он прислонился спиной к старому знакомому дубу, который стойко поддерживал его сновидческую оболочку. Оглядевшись вокруг, Шёпот глубоко вздохнул и спрятал свой очередной пазл в потайной карман хроники прошлых лет. Он рассеялся в его воображении, скатившись мелкими каплями по стенкам наполненного сосуда. Воронка времени перемешалась с густой обволакивающей краской, цедея мимолётные искры его недолговечной памяти.

Август подошёл ближе к своей знакомой, пытаясь отвести взгляд от сверкающей улыбки. Девочка свела руки перед собой и выгнулась вперёд, показывая всем своим видом удивительную заинтересованность этим несносным мальчишкой.

– Если хочешь, мы можем пойти вместе, – заговорила она.

Её собеседник был не очень-то приветлив, он отвернулся и зашагал дальше, пытаясь не смотреть в сторону своей знакомой.

– Ты же слышала, что вчера говорили мальчишки, они явно против этого! – огрызнулся он.

Сновидец не узнавал своего подопечного, медленно шагавшего прочь от лишних разговоров. Он раскачивался, изображая подобие верёвочных качелей, которые слегка изгибаются, поддаваясь слабому ветерку. Весь его вид заявлял о том, что ему безумно симпатична эта смелая девочка: глаза ярко блестели, пальцы нервно перебирали друг друга, волнуяще касаясь знакомой руки. Но его ноги будто не слушались его же разума. «Неужели он испугался каких-то задиристых сверстников?» – удивился Шёпот, пытавшийся одновременно вернуть себя в бездны своих воспоминаний и параллельно присматривать за Августом.

– Ты испугался их? – будто прочитав мысли сновидца, смышлённая девчонка слегка дотронулась до упрямого плеча.

– Никого я не боюсь! – насупил тот в ответ, слегка поднимая одну бровь. – Просто не люблю конфликтных ситуаций.

– А мне страшно. Я всё-таки хрупкая маленькая девочка, поэтому боюсь идти в школу одна. Может, всё же проводишь меня до класса? – схитрила она, пробежав вперёд несколько метров и резко остановившись напротив.

Август притормозил, глубоко вздохнул, бегло посмотрел по сторонам и молча кивнул головой, тем самым сообщая, что выполнит её просьбу. Девочка неожиданно запрыгала на одном месте и захлопала в ладоши.

– Тогда идём!

Дорога тянулась через небольшое густое рапсовое поле и вела до самых ворот школьного двора. Шёпот любил бродить среди пышных посевов сурепицы, горчицы, сизии, они напоминали жёлтую меховую накидку, забытую большим и грозным великаном. Говорят, что сказочные герои, в переполохе покидая волшебный город, скрывались под этим покрывалом, переползая через голые пустынные поля. С того самого момента каменистый брусчатый путь медленно перетёк в протоптанную дорожку между двумя половинами поля, навсегда разделив его пополам.

Девочка размахивала руками, рассказывая Августу удивительные истории. Он то улыбался, то, останавливаясь, открывал рот от интереснейших высказываний его попутчицы. Они вместе смеялись и шутили, совсем не догадываясь, что их ждёт впереди. Жёлтые пушистые ветки неожиданно зашуршали перед весело шагающими ребятами, то ли ветер задевал их рыхлые макушки, то ли какая-то сила раскачивала кустистые растения, то ли чьи-то грубые ботинки топтали их хрупкую и нежную красоту. На тропинку выскочили нагловатые мальчишки, угрожающе показывая острые оскаленные зубы. Впереди всех стоял невысокий сорванец с белыми прямыми волосами, на которые падали жёлтые осенние лучи солнца. Он нервно ударял кулаком о свою ладонь, пытаясь тем самым показать своё преимущество над остальными. Синие школьные брюки были чуть подвёрнуты, а кожаная чёрная куртка говорила о материальном благополучии его семьи. Чуть позади него хмурились два его товарища. Один из них был очень худой и длинный, как тонкая пожелтевшая соломинка. Его крючковатый нос изредка всхлипывал, утираясь о грубый большой кулак, а тонкие развевающиеся рыжеватые кудряшки свисали над высоким квадратным лбом. Другой был чуть пониже и поплотней, его живот вываливался наружу, слегка скрываясь под тонкой светлой ветровкой. Он бы мог здо-

рово сыграть сдобную булочку с изюмом на детском школьном утреннике. Увидев их, Август засуетился и отпрянул назад.

– По-моему, мы тебя предупреждали! – задиристо выкрикнул главарь банды.

Август молча взглянул на девочку и сразу же перевёл взгляд на свои старые ботинки.

«Что же ты молчишь? Ответь ему что-нибудь!» – Шёпот попытался мысленно взбудоражить своего подопечного.

– Ты, наверное, знаешь, что происходит после предупреждения? – не унимался мальчишка, всё больше и больше приближаясь к нему.

– Ха! – ухмыльнулся второй. – Смотрите, молчит.

– Глаза опустил, может, прощения хочет попросить? – рассмеялся третий.

Ситуация накалялась. С каждой брошенной фразой хулиганы все теснее окружали Августа, не давая ему ускользнуть.

– А мы ему сейчас покажем, как гулять с нашей одноклассницей! Пришёл новенький, а уже свои порядки устанавливает, сволочь! – выкрикнул первый и резко толкнул его в живот. Тот сразу же повалился на землю. Банда язвительно захохотала, а её главарь незамедлительно схватил девочку за тонкое прозрачное запястье.

«Август, вставай и дерись!» – пульсировало в груди сновидца. Но его голос был слишком слаб, чтобы донести свою боль до сердца испуганного мальчишки.

– Отпустите меня! – крикнула смелая девочка, отталкивая своих одноклассников. Но те ещё сильнее сжали её хрупкие руки. – Август, помоги мне! – эхом вырвался звонкий голос.

«Вставай, вставай, вставай!» – продолжал Шёпот свои пульсации.

Через мгновение мальчик поднялся с земли, будто услышав призыв, и бросился на главаря банды, размахивая своим большим синим портфелем. Одним ударом Август повалил его на землю.

– Ах ты, козёл, ублюдок! – взбунтовался беловолосый мальчишка, отбросив тяжёлую сумку обратно в руки своего врага. – Хватайте его!

Двое мальчишек оттолкнули свою заложницу и накинулись на сопротивляющегося бунтаря, скрутив ему руки за спиной. Главарь банды медленно встал, отряхнулся, и, ухмыльнувшись, подошёл ближе. Но в ту же секунду его ноги подкосились и он снова упал на землю. За его спиной стояла улыбающаяся девочка, крепко размахивая школьным рюкзаком.

– Держите её! – раздался истеричный детский крик.

Крючковая тонкая соломинка освободила руки противника и бросилась за девчонкой. Август остался с невысоким блондином и пухлой сдобной булочкой, пытаясь вырваться из их лап. Главарь резко размахнулся и со всей силы ударил своего заложника в грудь. Тот застонал и, скрючившись, упал на землю.

– А теперь я повторю ещё раз! – зарычал он. – Не смей больше подходить к Милене! Ты меня понял, ублюдок?!

Не вставая с земли, Август обхватил руками живот, пытаясь отвертеться от болезненных ударов главаря банды, но тот, не останавливаясь, бил грубым ботинком стонущего мальчишку ещё с большей силой. От одного из таких толчков его синий портфель отлетел в сторону и от сильного удара о землю раскрылся перед своими яростными врагами. Душная волна обиды и разочарования сжала грудь парня. Из открытой сумки с манящим звоном выкатилась прозрачная бутылка с тайной запиской. Видимо, Август заранее готовил подарок для своей подруги, красиво обернув его атласной красной лентой.

«Красная лента, – подумал сновидец, – как во сне».

– А что это у нас? – съязвил главарь банды, медленно поднимая бутылку с протоптанной дорожки.

– Дай мне посмотреть! – выкрикнул второй, вырывая тайную находку.

– Да отойди ты, придурок! – прорычал блондин и медленно вытащил записку из узкого горлышка бутылки. – Вот это уже интересно!

– Что там? Что? – раздался любопытный голос.

– Отдай! – громко крикнул пленный, пытаясь рывком наброситься на хулигана, но тот сразу же отбросил его на землю сильным ударом в грудь.

– Ха, «мы будем дружить вечно», вот насмешил! – прочитал главарь банды записку и тут же разорвал её, подбросив над собой мелкие белые кусочки бумаги. – Никогда, слышишь, не смей приближаться к нашей однокласснице, иначе тебя ждут огромные неприятности!

В ту же минуту он разбил бутылку и подставил острый осколок к горлу мальчика. Август зажмурился, ожидая самого худшего в эту минуту, но хулиган отбросил стекло и резко обратился к своему другу:

– Надеюсь, он навсегда запомнит этот урок!

За спиной раздался звонкий тонкий голос, который вспышкой разлился по макушкам небольших жёлтых растений своим оглушительным звуком.

– Август, пожалуйста, помоги! – выкрикивала Милена.

Мальчишки бросились в её сторону, схватили за тонкую талию, но Август всё так же недвижимо стонал, обнимая свой живот руками.

«Ты сильный! Ты очень сильный! – чеканил голос в его голове. – Да вставай же! Помоги ей!»

Сновидцу хотелось самому поднять своего подопечного, который осмелился противостоять трём взбалмошным негодяям, и повести в бой, но он не имел на это права. Стайка малолетних бандитов презрительно обернулась, выдавив из себя грозный рык, дразня своим явным преимуществом. Но Август всё лежал и лежал на тропинке, которая так нечестно разделяла одно целое единого поля. Шёпот присел к нему рядом и погладил по кучерявой голове, успокаивающе напевая неизвестную мелодию:

«Подобреет стужа, босиком пройдёшь по лужам.

Ночью в ней купалась волшебная луна и там осталась.

И теперь понятно, на луне откуда пятна.

Кто-то хитрый и большой наблюдает за тобой!»

Спустя несколько минут Август очнулся и медленно, пытаясь отряхнуться, встал на ноги.

– Гады! – крикнул он им вдогонку и тут же снова застонал, поднимая тяжёлый портфель.

Ссадины пульсировали на тонких мальчишечьих локтях, брюки порвались, отсвечивая пыльной мятой материей. Он сел над разорванной запиской, нервно пытаясь собрать её в единое целое, но, громко зарывчав, выбросил мелкие кусочки в жёлтые пушистые кусты.

– Что я делаю? – всхлипнул он. – Всё равно это бессмысленно.

Сновидцу стало ужасно обидно за своего товарища, и, заметно сжавшись, он бросил раздражённый взгляд вслед удаляющимся хулиганам. Они насильно тащили за собой одноклассницу. Та прытко вырывалась, шаркая своими белыми лаковыми сапожками по собственной тени. И вдруг Шёпот увидел на её изображении непонятное тёмное пятно, от этого он молниеносно вздрогнул, как будто несколько токовых ниточек прошло сквозь его невидимый облик. Он скользнул по тропинке, укрывшись за жёлтыми пушистыми ветками, и увидел, как за Миленой тащится чёрный хвост самого создателя. «Но как такое может быть? Эти создания не имеют права вторгаться на территорию детской судьбоносной линии жизни!» – возмутился Шёпот. Каждое человеческое существо окружено энергией или биополем, которое оболочка его, пронизывает и притягивает галактики друг к другу. Если нарушить его, оболочка истончается, что может привести к болезням, а в самом страшном случае – к смерти. Восстановить данное поле по силам только сновидцам, потому что именно отдых и положительные сны наполняют оболочку человека жизненно важными процессами. А если создатель навсегда

поселился в тени этой девочки, то ей грозит огромная опасность. «Что-то тут не так!» – нервно задумался он, перепрыгивая от одного куста к другому, как частный детектив.

Шёпот довёл скользкую тень до самых дверей учебного класса. Не оставалось никакого сомнения: за Миленой таскается безумная тень сознателя. Она мелькала на её маленьких красивых сапожках, скалясь своей омерзительной нахальной улыбкой. Всё в нём казалось скверным и раздражающим: его пристальный взгляд, ехидная ухмылка и безобразный корявый вид. Солнечное тёплое утро было испорчено одним крошечным, но таким запоминающимся событием. Сновидец растёкся по бетонным стенам школьного коридора, пытаясь заглушить пронзительный извивающийся гул собственных мыслей. Оглушительный звон школьного звонка нарушил его немое молчание. В ту же секунду он дёрнулся как ошпаренный и мигом вылетел из учебного помещения. В школу печальной походкой брёл его побитый товарищ.

– Мы ещё отомстим им! – прошептал Шестой и поспешил к своим всезнающим друзьям.

Глава четвёртая

В зоне ожидания происходил явный переполох, какой бывает при лопающейся тишине. Будто только что перед Шестым стояла глухая стена из гладкого красного кирпича, как тут же она расползлась мелкими трещинами, из которых с оглушительным грубым басом просочился яркий свет. Так происходит при землетрясении – почва уходит из-под ног, здания покрываются ломкой паутиной и тут же разрушаются, оставляя под собой обломки хрупких стен. Лишь воспоминания, пульсируя барабанной дробью, остаются в неясных видениях. Каждый сновидец переходил от одного сгустка к другому, пытаясь выяснить подробности сегодняшней ночи. Но Шестой был слишком возбуждён и взбудоражен, поэтому, не замечая общего смятения, пронёсся мимо сгустка, лишь слегка задевая их оболочки своим ярким светом.

Его товарищи были спокойны, безусловно отличаясь от других сновидцев своим отрешённым видом и редким благоразумием. Даже услышав недовольные высказывания других сновидцев по поводу внезапного появления Шестого, они продолжали общаться, не обратив на него ни малейшего внимания. Сновидец с карманами взглянул на своих друзей и замер в оцепенении. Рядом с ними стоял тот самый новенький, которого на прошлой неделе забрали в зону забвения.

«Значит, – подумал он, – оттуда всё-таки есть выход! И это всего лишь глупые выдумки, что никто ещё не вернулся из злополучного места».

Он с интересом посмотрел на новенького, так легко вошедшего в избранный круг сновидцев, и перевёл взгляд на товарищей.

– Да нет же! – демонстративно заявлял Шестьсот первый. – Сновидцы не вправе бросать своих подопечных, всё-таки это зона ответственности, являющаяся неотъемлемой частью его самого. Представьте себе, что может произойти, если ребёнок недополучит счастливый сон? Да вся его судьба сместится в противоположную сторону.

– Никто не знает этой противоположной стороны, может, оно и к лучшему! – спорил с ним Пятьдесят девятый, пытаясь защитить своего друга от нападков старшего товарища.

– Мне тоже кажется, – перебивал его новенький, – что мы сильно преувеличиваем значение сна. Я не понимаю, что в этом такого, если одну ночь дети проведут без льющих красивых мелодий и приятных сновидений?

«А этот новенький вроде неплохой парень!» – подумал Шестой.

– Да может, и ничего, – добавлял Двести двадцатый, придерживаясь стороны Шестьсот первого, – но то, что десяток детей не получили сны этой ночью, является подтверждённым категоричным ошеломляющим фактом!

– Это немыслимо! – возмутился Шестьсот первый. – Просто немыслимо!

– Скажите, – вмешался, наконец, Шестой, – может ли сознатель заполнить тень ребёнка, заменяя таким образом сновидца?

Друзья опешили, бросая друг на друга растерянные взгляды, будто мысленно ведя между собой разговор, при этом скрывая от Шестого мелкие подробности занимательной беседы. Тут же в зоне ожидания повисла гробовая тишина, показалось, что другие существа тоже притихли, чтобы услышать ответ на достаточно странный вопрос. Безмолвие охватило каждый уголок зоны ожидания.

– Я считаю, – прервал молчание Пятьдесят девятый, наклонившись к нему своей грузной массой, тем самым взяв на себя смелость рассеять всеобщую смуту, – будучи проворнее сновидцев, сознатели всё же могут овладеть тенью детей, но только в том случае, если ребёнок останется без снов. А точнее, без тех, кто эти сны ему дарит.

– Я так и думал! – встревоженно проговорил Шестой, нервно мельтеша между обликами многочисленных сновидцев.

– Понимаешь, – остановил его Пятьдесят девятый, пытаюсь договорить начатое, – мы в какой-то степени являемся для наших подопечных защитниками, сторонниками их интересов, положительных эмоций и гармонии...

– Где ты был сегодня ночью? – нахмурившись, резко прервал его Шестсот первый, пытаюсь отгородиться от других сновидцев. – Думаешь, мы не поняли, что именно ты забросил дома наших маленьких подопечных?

Шестой отпрянул от своих друзей, перебирая в голове всевозможные варианты ночного похождения, но ни одна ниточка лжи, которая бы смогла его сейчас спасти, не вшивалась в его мыслительный обжигающий поток информации. Он сдался.

– Сознаю, возможно, вы считаете, что это моя вина.

– Чья же ещё? – ухмыльнулся Двести двадцатый.

– Сегодня ночью я показывал сон, который не был заготовлен заранее, – продолжал он оправдываться. – В этом сне я не мог пошевелиться, вклиниться в него, перепрограммировать его структуру. Как замороженный, я лишь всматривался в каждую сцену. А самое страшное, что я не мог ничего предпринять и изменить.

– Хм, – вздохнул Пятьдесят девятый, – похоже, что кто-то завладел сном твоего подопечного. А это уже пахнет скандалом.

– Получается, что я видел чью-то подготовленную киноплёнку? – встревожился сновидец. – Или же это была моя собственная жизнь, которую я уже проживал однажды?

Шестсот первый притянул его к себе, пытаюсь заставить молчать. Друзья поддались его резкому движению и окружили Шестого со всех сторон, скрывая тень от любопытных взглядов. Остальные сновидцы нахмурились, сосредоточившись на глобальной проблеме. Кто-то вторгался в детские сны и противоречил всем законам бытия. Друзья прижались ближе друг к другу, ведь разговоры о снах и прошлых жизнях касались только узкого круга и никогда не выходили за его пределы.

– Я впервые слышу об этом! – громко произнёс Пятьдесят девятый, всплеснув прозрачной оболочкой на всеобщее обозрение, и искоса посмотрел вокруг себя, будто скрывая важную информацию.

– Но это ещё не всё! – перебил Шестой своего товарища. – Я видел сознателя, который привязался к тени маленькой девочки.

– Я, кажется, всё же знаю ответ, – наперекор Пятьдесят девятому прошептал новенький, украдкой оглядываясь по сторонам, при этом нервно показывая указательный палец своему новому товарищу. – Сознатели действительно могут вторгаться на территорию детской тени и завладевать их душами.

– Но как? Разве это возможно? – настороженно взглянул Шестой на новенького.

– Возможно, мой друг! Если этот ребёнок коснулся потустороннего мира, а именно – зоны забвения.

«Он ещё меня и другом называет. Какой я ему друг?» – подумал возмущённый сновидец с карманами. А затем резко проговорил:

– Это абсурд! Человек не может попасть по ту сторону границы, а потом снова вернуться в материальную оболочку.

Друзья переглянулись и потупили печальные взоры. Над зоной ожидания снова повисла гробовая тишина.

– Вы что-то скрываете от меня? – крикнул Шестой. – Говорите! Жизнь детей в опасности!

– Любое существо, – осмелился Шестсот первый, – может не только попасть в зону забвения, но также и выйти из неё. Человеческие души часто посещают этот загробный участок, находясь между жизнью и смертью, но всё же, не все, правда, возвращаются на землю. И ты... – прервался он, нахмуривши свою прозрачную оболочку, – там тоже уже был.

Грудь Шестого наполнилась яркой безудержной волной страха и паники, которые застыли на краях сосуда гневной серой плёнкой. Впервые он почувствовал ярость, боль и трепетание своей беспокойной души. Крик отчаянья, уныния и обиды ворвался внутрь и заполнил пространство его слабой, но всё же неиссякаемой энергии. В его груди нарастал обезумевший крик, который никак не мог вырваться наружу.

– Но почему? – не понимал он. – Почему вы не сказали мне об этом раньше?

– Тише! – прикрикнул Шестьсот первый. – Неужели ты до сих пор не понял? Каждый, кто владеет лишней информацией, навсегда лишается памяти в зоне забвения. Ты хочешь, чтобы и мы попали туда?

– Не хочу! – рассердился Шестой и попытался отвернуться от своих товарищей, скрестив руки на груди.

– Дружище, – одобряюще сказал Пятьдесят девятый, похлопав его по плечу, – мы хранили эту тайну только для того, чтобы тебя снова не забрали за границу нашего мира. Ты дорог нам.

– И сколько раз я уже там был?

– Шесть раз... – протянул Пятьдесят девятый, не видя смысла всё скрывать.

– Может ли это быть как-то связано с моим номером? – поинтересовался Шестой.

– Да-да, – заявил Шестьсот первый, – всё сводится к тому, что все наши номерные знаки – лишь отметки о пребывании в зоне забвения.

– Неужели ты был там уже шестьсот один раз? – возмутился он. – А ты – пятьдесят девять, – показал он на другого товарища.

– А я – два, – подтвердил новенький, улыбнувшись.

Шестой резко схватил его за руку и посмотрел на ладонь. Там горела цифра два.

– Я – двести двадцать, – откликнулся Двести двадцатый и усмехнулся, – получается, что самый молодой из нас – это второй, его пребывание в теле сновидца не превышает года, ты же существуешь здесь около семи лет.

– Но как такое может быть? Я помню все эти годы, от самого своего первого подопечного до последнего, – возмутился он, сомневаясь в правдивости слов своих товарищей.

– Зона забвения только стирает твою прошлую жизнь, которая мешает выполнять требуемую работу. Тебе оставляют лишь воспоминания о сновидениях, – прочеканил Двести двадцатый.

– Мы существуем в этом мире уже больше миллиона, а то и миллиарда лет, – вздохнул Шестьсот первый.

– И если бы каждый раз нам стирали память о сновидческой деятельности, – продолжил Пятьдесят девятый, – то приходилось бы заново учиться премудростям нашей нелёгкой профессии.

– А они? – обвёл взглядом Шестой других сновидцев. – Они тоже имеют номера?

– А ты попробуй, спроси! – засмеялся Шестьсот первый.

Шёпот отвернулся и тут же направился к ближайшему сновидцу.

– Эй, товарищ! – выкрикнул он. – Какой у тебя номер?

Тот растерянно оглянулся и, сделав небольшую паузу, всё же проговорил: «Первый!»

– Изумительно! – фыркнул он и подбежал к следующему сновидцу. – Какой у тебя номер?

Другие существа удивлялись его странному вопросу и, опешив, сторонились настырных слов. Но всё же в каждом уголке зоны ожидания слышалось:

– Первый...

– Первый...

– Первый...

– Чёрт возьми, неужели мы единственные, кто хоть немного добрался до истины бытия? – вернулся он к своим друзьям.

– Будь благодарен судьбе, что имеешь возможность докопаться до правды, – пропел Двести двадцатый.

– А теперь, – прервал его Пятьдесят девятый, направляя на Шестого укоризненный взор, – помалкивай об этом, иначе снова останешься без своей памяти. Хотя для молодого существа ты слишком проворен и умён. Каждый раз находишь всё новые и новые пути получения знаний. Я даже удивляюсь твоему молниеносному умению вспоминать прошедшие моменты, как будто кто-то сознательно оставляет тебе небольшую искорку, играя, забавляясь твоей наивностью и прытью.

Шестьсот первый подозрительно окинул Пятьдесят девятого своим строгим взглядом, будто пытаясь сказать что-то важное, оспорить его слова, но всё же промолчал.

«Просто они не знают, что у меня есть карманы, в которые я прячу свои яркие вспышки дежавю», – тут же подумал Шестой.

– Явно кто-то выяснил твои догадки о параллельных мирах и прошлых жизнях и сейчас ведёт за тобой слежку. Будь внимателен, не попадайся на эту удочку. Мы переживаем за тебя, – вздохнул Пятьдесят девятый.

– Значит, сегодняшний сон всего лишь чья-то уловка?

– Совершенно точно! – отчеканил Шестьсот первый, подёргивая головой в такт его вопросу.

– И это не детям грозит опасность, а мне? На меня ведётся охота?

– Так уже было, и не раз, – вздохнул Пятьдесят девятый и похлопал его по плечу.

– Но я видел женщину. Понимаете? Я видел её и раньше, давно, не помню когда. Но она была со мной. Она держала меня за руку, улыбалась мне, тёрлась холодным носом о твёрдую ключицу, дышала мной и наполнялась прекрасным благоуханием, светом, счастьем и спокойствием. А когда она плакала, я ощущал волну надвигающегося трепета. Она плакала и пела, а я сжимал её в своих объятьях и боялся отпустить.

– Забудь об этом, слышишь? – разозлился Двести двадцатый. – Твоя цель заключается в том, чтобы нести детям радостные сны, а не думать о чувствах, которые ты никогда не сможешь вернуть.

– Но ты же сам говорил! – крикнув, дёрнулся Шестой и еле слышно прошептал: – Говорил, что, оттолкнув самое важное в своей жизни, мы заполняем пустотой, тяжким грузом материальных ценностей.

– Твой успех зависит только от тебя. Если в твою любопытную голову ворвалась мысль о женщине – жди беды. Ты должен осознать именно сейчас, что ничего хорошего не произойдёт, если ты зацепишься за неё и будешь вытаскивать на поверхность утонувшие воспоминания из материального мира. Ты не сможешь никогда вернуться к ней, но своими мыслями ты только загонишь себя в глубокую яму, из которой не выберешься самостоятельно. Пойми, у тебя другая жизнь, в которой ей нет места.

– Да с чего вы взяли, что, узнав о своей прошлой жизни, я упаду в яму, окажусь в грязи, не смогу выбраться оттуда? Я всего лишь верну веру в себя, свою потерянную часть, своё счастливое безмятежное прошлое. Я наполню полупустую оболочку чем-то иным, но целым, чувственным и эмоциональным. И даже если всё то, что я хочу вытащить на поверхность океана знаний, уже давно не существует, я всё равно буду рад, что это когда-то жило во мне, давало мне силы или, наоборот, разрушало. Но в тот момент я осознавал, что был счастлив. Понимаете? Я был счастлив. А вы когда-нибудь испытывали такие чувства? Прикасались к безумной горячей страсти? Извергались вулканом кричащего блаженства?

Сновидцы потупили взор, пытаясь перебрать в своей памяти похожие ощущения, но в выражении их лиц царил разочарование. В зоне ожидания раздался первый звонок, он символизировал начало учебного занятия. Товарищи Шестого тут же поспешили уйти

от ответа, покидая привычный перевал. Но тот не собирался сдаваться и остановил их, не в силах сдерживать свои эмоции.

– Почему тогда вы даёте мне такие советы? Из какой ямы вы собираетесь вытаскивать меня, если сами не были там, куда нырнул я, возможно, захлёбываясь? Но я творил и верил в волшебство. Я впервые чувствовал себя живым.

Его товарищи не осмелились вступить с ним в перепалку, так как возле них уже столпилось достаточно много сновидцев.

– Поймите, – продолжил Шестой, – она так глубоко забралась в мою душу, что останется там навсегда. Можно заполнить её чем-то сверху, новыми снами, заботами, интересными историями, знаниями и кинофильмами, но тогда она ещё глубже провалится в меня.

– Дам тебе хороший совет, – медленно, но тревожно заявил Шестьсот первый, – сначала выгони её из себя, а потом заполняй новыми знаниями свою пустую оболочку.

– Пятьдесят девятый! – выкрикнул Шёпот, моля его о поддержке. Он всегда был на стороне чувств, философии и творчества, поэтому глаза Шестого наполнились надеждой на защиту.

– Твои воспоминания всего лишь мелкие горошины бусин, сорванные с тонкой изящной шеи и разбросанные по полу, – отреагировал Пятьдесят девятый. – И вроде есть ещё надежда собрать их воедино, но всё же найдётся две-три гадких бусины, которые закатятся под какой-нибудь диван, и как бы ты ни ползал, ни искал их, подсвечивая пыльные углы ярким фонариком, всё равно не найдёшь. А если станешь нанизывать остальные горошины на тонкую нитку, то ничего хорошего из этого не выйдет. Бусы станут корочкой и сожмут шею так, что невозможно будет вздохнуть. Поэтому выбрось все свои дурные мысли из головы, чтобы дышать полной грудью, а не ползать по полу в поисках пропавших горошин.

После сказанного его товарищи гордо развернулись и последовали за толпой сновидцев.

– Пятьдесят девятый! – окрикнул он его снова. – Помнишь, ты говорил о своих догадках, что любовь – это такое же создание, как и мы, только у неё более развитая цивилизация, потому что её оболочка живёт в одном человеке всю жизнь. А что если во мне кто-то живёт, вырывается наружу, скребя своими острыми коготками, брыкается, выворачивает всю мою душу наизнанку и показывает мне путь, по которому я обязан пройти до конечного пункта назначения?

– Шестой! – разозлился Шестьсот первый. – Ты не человек, пойми это, наконец!

Чувства молодого сновидца разбились на мелкие осколки, как части той записки, которые Август пытался собрать в единое целое и всё же выбросил, не получив желаемого. Ему не удалось ухватиться за ускользающую суть истины, будто она убегала от него, рвалась, уходила в сон или пробуждение. Он не понимал, почему его друзья настаивают на том, что любовь нужно сжечь, затоптать, стереть. Неужели воспоминания о ней могут разрушить его судьбу, его сновидческую оболочку? «Как мне отказаться от своих долгожданных и желаемых воспоминаний? И для чего?» – Шёпот уже ничего не мог понять. Сегодняшний день перевернул всё с ног на голову, обрушив на него тяжёлый груз правды. Но его душа рвалась вперёд, выпрыгивала из него и стремилась познать всё новые и новые тайны. Он понимал, что его товарищи просто хотят защитить его, огородить от лишних ошибок, которые он уже когда-то совершал до того, как потерял память в зоне забвения. Но ему было просто необходимо узнать, возможно, то, что он уже когда-то знал. Наконец он обрёл смысл своего бытия, а его друзья так безжалостно пытались отнять его.

Прозвенел последний звонок, и опоздавшие сновидцы ринулись на занятия красивых сказочных историй. Шестой остался в холле, чувствуя пристальный взгляд своих товарищей. Но немного замешкав, всё же двинулся за ними, чтобы не создавать лишней паники. Мгновенно он представил себе путь отступления, подумав о том, что покинет зону ожидания, как только последние сновидцы скроются из виду. Но они не спешили оставлять его одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.